

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 1(44):821.133.1

О.Ф. ЖИЛЕВИЧ, канд. фил. наук, доцент,
заведующий кафедрой межкультурных коммуникаций,
Полесский государственный университет
г. Пинск, Республика Беларусь

Статья поступила 4 марта 2020г.

ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ РОМАН: ЭСТЕТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ИНТЕНЦИИ

Цель: осуществить философско-эстетический анализ в сочетании с универсально-культурологическим модусом в системном изучении общих закономерностей развертывания художественного процесса XX в. в философско-аллегорическом романе.

Материалом для исследования послужили труды К. Юнга, М. Фуко, Ф. Ницше, А. Камю, Ж.-П. Сартра.

Методы исследования: диалектический, генетический, герменевтический, структурно-семиотический, интертекстуальный, системный.

Результаты исследования могут использоваться в дальнейшем изучении философско-аллегорического романа с позиций современной эстетики, культурологии, литературоведения, компаративистики, что, в свою очередь, позволит углубить осмысление современного литературного процесса.

Заключение. Философско-аллегорический роман включает в себя различные типы постижения действительности, многообразные типы сознания с целью создания универсальной картины мира, и художественной, и философской одновременно; как текст культуры он сохраняет свои аксиологические и философско-антропологические качества, а как текст литературы – на страже своей жанровой формы, которой грозит «бесформенная» природа его нарратива – философствования как размышления в свободном стиле.

Философско-аллегорический роман развивался в поликультурном пространстве XX века, когда философия с мировоззренческого «наукоучения» постепенно переходила в «культуроучение». Культура, в соответствии с теорией так называемого «лингвистического переворота», начала рассматриваться как своеобразная сокровищница текстов, их смыслы – как жизненный мир, а жизненный мир – как язык, речь, нарратив, то есть осмысленный текст. Несмотря на некоторые различия между разными лингвокультурологическими концепциями, общим знаменателем становилась примерно такая схема восприятия литературного текста: поскольку искусство отождествляется с языком, речь, в свою очередь, отождествляется с жизненным миром. В результате таких представлений разделение между искусством и не-искусством (наукой и никак наукой) размывается, искусство собственно лишается функции познания жизни, а наука об искусстве – возможности судить о качестве, то есть глубине, истинности и т.д. этого познания.

Философско-аллегорический роман вобрал в себя эти две парадоксальные тенденции XX в., сделав попытку систематизировать и примирить центробежные силы текста – «науку» и «не-науку», «искусство» и «не-искусство», при этом не размывая окончательно границ литературного жанра. Если литературу рассматривать как зеркало (воспользуемся тезисом Л. Толстого), то философско-аллегорический роман отражает не только эпоху, не только ее болевые точки и философские проблемы, а прежде всего процесс совершения им метафункции культуры в статусе металитературы, которая в форме художественного изображения стремится подчинить себе различные типы сознания с тем, чтобы человечество не потеряло возможности каждый раз «находить силы» на пути к «умственному, духовному и душевному комфорту». Концепт культурного, цель которого акцентировать, фиксировать, заострять онтологические, антропологические, аксиологические измерения человеческого бытия, коррелирует с основным принципом философского романа – философской проблематикой, которая, в свою очередь, корректирует в тексте концепт культурного.

Ключевые слова: философско-аллегорический роман, культура, сознание, знак, картина мира, текст, экзистенциализм, метафункция, металитература, универсально-культурологический модус.

JILEVICH Olga F., Cand. of Phil. Sc., Associate Professor
Head of the Department of Intercultural Communication
Polesky State University, Pinsk, Republic of Belarus

PHILOSOPHICAL AND ALLEGORIC NOVEL: AESTHETIC AND CULTURAL INTENTIONS

Objective: to carry out a philosophical and aesthetic analysis in combination with a universal cultural model in a systematic study of the general patterns of the development of the artistic process of the 20th century in a philosophical and allegorical novel.

Materials: work of C. Jung, M. Foucault, F. Nietzsche, A. Camus, J.-P. Sartr.

Methods: dialectic, genetic, hermeneutic, structural-semiotic, intertextual, systemic.

Results of the study can be used in the further study of the philosophical and allegorical novel from the standpoint of modern aesthetics, cultural studies, literary criticism, comparative studies, which, in turn, will deepen understanding of the modern literary process.

Conclusion A philosophical and allegorical novel includes various types of comprehension of reality, diverse types of consciousness in order to create a universal picture of the world, both artistic and philosophical at the same time; as a text of culture, it retains its axiological and philosophical and anthropological qualities, and as a text of literature, it guards its genre form, which is threatened by the «shapeless» nature of its narrative – philosophizing as reflections in a free style.

A philosophical and allegorical novel developed in the multicultural space of the twentieth century, when philosophy gradually shifted from philosophical «science of learning» into «culture of learning». Culture, in accordance with the theory of the so-called «linguistic revolution», began to be seen as a kind of treasury of texts, their meanings as a life world, and the life world as a language, speech, narrative, that is, a meaningful text.

Despite some differences between different linguistic and cultural concepts, the following denomination of a literary text became a common denominator: since art is identified with language, speech, in turn, is identified with the world of life. As a result of such representations, the separation between art and non-art (science and in non-science) is blurred, art itself is deprived of the function of knowing life, and art science is an opportunity to judge quality, that is, depth, truth, etc. of this knowledge.

A philosophical and allegorical novel incorporated these two paradoxical tendencies of the 20th century, making an attempt to systematize and reconcile the centrifugal forces of the text – «science» and «non-science», «art» and «non-art», while not completely blurring the boundaries literary genre. If we consider literature as a mirror (we use the thesis of L. Tolstoy), then the philosophical and allegorical novel reflects not only the era, not only its pain points and philosophical problems, but above all the process of its fulfillment of metafunction of culture in the status of metaliterature, which seeks in the form

of an artistic image to subjugate various types of consciousness to itself so that humanity does not lose the opportunity to «find strength» each time on the way to «mental, spiritual and spiritual comfort». The cultural concept, the purpose of which is to accentuate, fix, sharpen the ontological, anthropological, axiological dimensions of human being, correlates with the basic principle of a philosophical novel – philosophical problematics, which, in turn, corrects the cultural concept in the text.

Keywords: *philosophical and allegorical novel, culture, consciousness, sign, world views, text, existentialism, metafunction, metaliterature, universal and cultural mode of existence*

Научная новизна статьи

Впервые осуществлен философско-эстетический анализ в сочетании с универсально-культурологическим модусом в системном изучении общих закономерностей развертывания художественного процесса XX в. в философско-аллегорическом романе.

What this paper adds

For the first time, a philosophical and aesthetic analysis was carried out in combination with a universal cultural model in a systematic study of the general laws of the development of the artistic process of the twentieth century in a philosophical and allegorical novel.

Введение. Философско-аллегорический роман – синтетическая жанровая модификация, в которой художественное, образно-иносказательное осмысление действительности сочетается с научно-логическим его моделированием. На протяжении всего XX века эти разные формы постижения мира сблизилась в некоторых философских направлениях.

До этого периода философия не исследовала личность крупным планом, а занималась, главным образом, поисками общих закономерностей бытия. Поэтому между философией и художественной литературой существовал значительный разрыв. Однако когда многие западноевропейские философы сделали ключевым объектом своего анализа бытие человека, то есть именно то, что всегда было прерогативой писателей, разрыв значительно сократился. Это способствовало более широкому и естественному взаимопроникновению философии и литературы.

По мнению М. М. Зинде, «философия может входить в произведение разными способами» [1, с. 5]. С одной стороны, она непосредственно оказывается на страницах беллетристики в авторских отступлениях, в спорах или размышлениях персонажей, но не затрагивает повествование на сюжетном уровне. Создавая интеллектуально насыщенную атмосферу, повышая удельный вес аналитического начала, философия в этом случае все-таки не определяет манеру поведения героев, остается внешней по отношению к художественному содержанию произведения,

а часто еще и значительно ослабляет его повествовательную канву.

С другой стороны, авторы осуществляли синтез философского и художественно-иносказательного на уровне структуры произведения. Философский тезис определял способ мышления героев, их поступки и поведение. Таким образом, в основе современного философско-аллегорического романа находится художественно-философская мысль, оформленная с помощью аллегии, и сформированная по образно-понятийным принципам отражения мышления своей эпохи. Аллегория в данном случае представляет собой не единичный троп, а представляет собой повествование, организующее все произведение целиком, элементы которого содержат символические значения, лежащие в основе его второго значения.

Как отмечает К. Вандендорп, «в философско-аллегорическом произведении сливаются воедино логическое понятие, конкретный образ и нравственная схема» (Здесь и далее перевод наш – О. Ф. Жилевич) [2, с.16]. В той или степени в аллегии конкретный облик явлений упрощается или деформируется для определенности выражения авторской мысли. Поэтому в таком произведении стирается жизненное многообразие эпического романа и создается более или менее искусственный художественный мир.

В XX веке для решения своих художественно-эстетических идей к философско-аллегорическому роману обращались и продолжают обращаться такие авторы как Дж.

Голсуорси, А. Жид, Т. Манн, Л. Пиранделло, Г. Уэллс, Т. Фонтане, А. Франс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, М. Горький, Веркор, А. Мердок, В. Голдинг, Г. Гарсиа-Маркес, В. Быков, В. Короткевич, П. Зюскинд, Ж.-М. Г. Леклезю, М. Турнье, С. Жермен. «Художественная философия каждого из авторов – это попытка объединить в произведениях философскую, научную и художественную картины мира, исходя из ее универсальности, или приближаясь к ней» [3, с. 25]. Несмотря на очевидную распространенность философско-аллегорического романа, многие его специфические особенности до сих пор не разработаны на должном уровне.

Цель настоящей статьи – осуществить философско-эстетический анализ в сочетании с универсально-культурологическим модусом в системном изучении общих закономерностей развертывания художественного процесса XX в. в философско-аллегорическом романе.

Основная часть. Культура XX века – это определенная эпоха, поэтому анализ и интерпретация знаковых для этой эпохи художественных произведений, особенно в смысле актуализированного в них разнообразия философских, эстетических идей имеет, несомненно, чрезвычайный научный интерес.

В философско-аллегорическом романе культура транслируется особым способом формализации различных модусов сохранения человека, воплощением его духовности, экспрессивно-эмоциональных чувственных и философско-интеллектуальных состояний. Философские и иносказательные интенции данной жанровой модификации располагаются в области поисков горизонтов жизнедеятельности человека при любых обстоятельствах в любой период культуры. Только осмысление своего бытия, диалог с ним открывает дверь в сферу собственно культурного существования. К. Юнг считал «творческую личность жизнеспособной в той мере, в которой созданные символы приобретают архетипическое и социальное значения, а не ограничиваются семантикой индивидуального осознанного» [4, с. 55].

Ф. Ницше отмечал, что «высшая культура должна дать человеку двойной мозг, будто две мозговые камеры: во-первых, чтобы воспринимать науку и, затем, чтобы воспринимать не-науку: они должны быть рядом, быть разделяющимися и замыкающимися, исключая любое смешивание. В одной сфере лежит источник силы, в другой – регулятор иллю-

зий, страстей. С помощью науки познания, возможно, предупреждать глупые и опасные последствия чрезмерного «нагрева» [5, с. 41]. Обращаясь к дионисийскому началу, которое дает человеку ощущение целостности жизни, Ф. Ницше акцентирует внимание на необходимости дополнять его и противоположным началом, научным фактором, который бы упорядочил и уравновесил природные стихии человеческого естества. Философско-аллегорический роман постигает и изображает человека со стороны науки, и – не-науки, пытаясь совместить эти же трудно сочетаемые подходы в одном тексте.

Философско-аллегорический роман как текст культуры представляет собой знаковую систему, освоение которой невозможно без знания конкретного семиотического поля, где вырабатываются сведения и реализовывается приписывание знакам значений (то есть осуществляется сигнификативная функция). Понимание кода языка культуры ведет к его осмыслению. «Узнавая» знак мы «понимаем» художественные высказывания, которые и составляют художественное произведение, его семантический смысл.

По мнению Р. Ладо, «художественная концепция произведения, то есть его картина мира и ценностная система, возникают как Афродита из морской пены» [6, с. 47]. «Художественность» произведения растворяет символы и знаки, отправляя читателя к его предметному или духовному значению, создавая внутренний мир текста. От знака к художественному образу возникают и расширяются новые свойства значения произведения. Предусматривая сигнификативную функцию своего произведения, автор философско-аллегорического романа также конкретизирует в его форме представления о мире, которые возникают в осмысленной вариации.

Три эпистемы европейской культуры (ренессансная, классическая и современная), введенные М. Фуко, могут рассматриваться как определенный «типологический образец, способный к видоизменениям» [7, с. 94]. Философско-аллегорический роман обладает совокупностью векторов культурного познания во всех видах дискурса, является оригинальной структурой широкого культуротворческого процесса – «ячейкой человеческой памяти, где хранятся культурные коды, и одновременно механизмом передачи духовных, ментальных достижений прошлого, социаль-

ного и индивидуального опыта, (трансляции) знания и т. д.» [7, с. 108].

Благодаря разнообразным повествовательно-смысловым пластам, философско-аллегорический роман включает философско-теоретические и образно-иносказательные интенции, осуществляет роль своеобразного соединительного алгоритма («два в одном»). Автор «закладывает» в данный жанр познавательную (гносеологическую) и эстетическую функции, продолжая, тем самым начатую еще с античности культурологическую традицию, в которой с подсознательно-интуитивным способом передачи (трансляции) знаний, имел место и логический, универсально-понятийный и т. д. Безусловно, накопленные в романе опыт узнавания (когда тайное становится явным), и освоения мира по эстетическим законам, трудно объясняются через понятие, словесные формулы и, таким образом, воспроизводятся через ощущения, сопереживание и художественные образы.

Сюжетная линия или действие авторской мысли в философско-аллегорическом романе разворачивается или на фоне широкого культурного контекста, или с его привлечением. В данном случае следует отметить способность такого романа к синтезу, как одной из характерных его черт. Философско-аллегорический роман, как культура, в целом, во многом взаимосвязан с мифом, притчей, символом, аллегорией. Данная жанровая модификация в этой «всеобъемлющей» функции – лишь определенный модус реализации культуры. Однако её специфические черты, которые абсорбируют различные типы философствования и иносказание, нарративные пласты, позволяют утверждать о настойчивом стремлении этой модификации культуры к универсализации и синтезу.

Философско-аллегорический роман является также текстом культуры и по субъекту культурной деятельности в его субъектном выражении. Как отмечает С. Вайс, распространенные семиотические методы исследования искусства не охватывают сферу «индивидуального своеобразия художественного произведения» [8, с. 95], в то время как именно этот признак определяет неповторимость текста культуры. Уникальность художественного творения – это родовая характеристика его принадлежности к культуре. По мнению ученого, она появляется «на пересечении нескольких закономерностей и одно-

временно принадлежит различным структурам» [8, с. 97].

Чем сильнее читатель чувствует общие художественные модели (тексты культуры), на фоне которых функционирует философско-иносказательное произведение, тем основательнее его ощущение индивидуальности, которое возникает при восприятии этих различных текстов [8, с. 100]. Философско-аллегорический роман содержит и свои вопросительно-онтологические аспекты, вытекающие из универсальных проблем, стоящих перед человечеством, которые сопровождаются онтологическим удивлением, эпистемологическим парадоксом или трансцендентным молчанием, что эстетически вуалируется образно-метафорическими символами. Философско-аллегорический роман как текст культуры своими средствами выводит человека за пределы повседневности, в глубинные тайны неизвестного, в пространство невозможностей, где предоставляются возможности в области невозможностей.

В современной гуманитарной науке существует несколько подходов к определению философско-аллегорического романа как текста культуры. Так, Е. Хатч считает, что «из всех концептуальных понятий философско-аллегорического романа основной акцент получают его культурно-нарративные особенности. Только уровень повествовательного дискурса поддается непосредственному текстовому анализу» [9, с. 205]. Учёный пишет, что «в жанровой модификации философско-аллегорического романа нарратив абсорбирует в себе довольно разные по функциональным назначением языковые формы и соединяет иносказательный и научный пласт» [9, с. 207].

Сочетание «философии» и «искусства» в философско-аллегорическом романе несмотря на то, что это «разные формы постижения действительности», А. Камю допускал при «установлении противоречия, которое возникает между философом, который находится в центре своей системы, и художником, который стоит перед своим творением.» [10, с. 77]. На самом деле, разнородные дискурсы текста не следует противопоставлять друг другу, ведь «роман представляет собой попытку максимальной интеллектуализации искусства ... Конечно, речь идет о крупных романах... философско-аллегорический роман представляет собой инструмент такого похожего на любовь познания, относительного и неисчерпаемого ...» [10, с. 79].

Феномен «философичности» литературы и «литературности» философии интересовал Ж.-П. Сартра как автора обеих модификаций – философско-аллегорического (экзистенциалистского) романа и философских трактатов. Романист утверждал, что «литературное слово содержит онтологическую сущность, а философское – коммуникативную (эту идею впоследствии научно обоснует известная сегодня онтологическая поэтика)» [11, с. 62]. В литературном творчестве писатель чувствует себя как человек синкретического сознания. Литературное, художественное мышление для Ж.-П. Сартра – это, прежде всего, углубление в онтологию слова, проявление его креативности, явлений в образно-чувственной форме, только после этого слово может разворачиваться и рассматриваться как средство коммуникации. «В философском типе мышления, – замечает Ж.-П. Сартр, – на первый план выдвигается коммуникативная функция слова» [11, с. 68]. Объединяющим моментом двух дискурсов философ считал то, что и литература, и философия должны содержать необъяснимое, мистическое.

Философско-аллегорический роман как текст культуры и литературы включает универсалии, которые требуют выработки соответствующего категорийно-понятийного аппарата, создание метакатегорий и метапонятий универсально-культурологического содержания;

Когда речь идет о философско-аллегорическом романе как тексте культуры и как литературной жанровой разновидности, культурологическое литературоведение возникает своеобразным методом познания, «переживания» и преобразования всего, что есть в сфере человеческой деятельности в тексте, особенно в философско-антропологическом и аксиологическом модуле. Культурологическое литературоведение охватывает и аспекты миметической референтности, принцип отражения в художественной реальности объективной реальности, чего в последнее время не хватает в анализе текста, ведь охваченные сознанием автора концепты действительности, часто трансформируются в тексте на культурные, ментальные и т.д. коды. Литературоведческий анализ дополняет общий подход собственно развертыванием свойств текста как специфического текста литературного жанра. Междисциплинарность подхода реализуется в такой логической (интеллектуальной) схе-

ме: культурологическая составляющая применяется в процессе анализа текста до той черты, за которой исключается разрушение его специфики как литературного жанра.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что философско-аллегорический роман развивался в поликультурном пространстве XX века, когда философия с мировоззренческого «наукоучения» постепенно переходила в «культуроучение». Культура, в соответствии с теорией так называемого «лингвистического переворота», начала рассматриваться как своеобразная сокровищница текстов, их смыслы – как жизненный мир, а жизненный мир – как язык, речь, нарратив, то есть осмысленный текст. Несмотря на некоторые различия между разными лингвокультурологическими концепциями, общим знаменателем становилась примерно такая схема восприятия литературного текста: поскольку искусство отождествляется с языком, речь, в свою очередь, отождествляется с жизненным миром. В результате таких представлений разделение между искусством и не-искусством (наукой и никак наукой) размывается, искусство собственно лишается функции познания жизни, а наука об искусстве – возможности судить о качестве, то есть глубине, истинности и т.д. этого познания.

Итак, философско-аллегорический роман выбрал эти две парадоксальные тенденции XX в., сделав попытку систематизировать и примирить центробежные силы текста – «науку» и «не-науку», «искусство» и «не-искусство», при этом не размывая окончательно границ литературного жанра. Если литературу рассматривать как зеркало (воспользуемся тезисом Л. Толстого), то философско-аллегорический роман отражает не только эпоху, не только ее болевые точки и философские проблемы, а прежде всего процесс совершения им метафункции культуры в статусе металитературы, которая в форме художественного изображения стремится подчинить себе различные типы сознания с тем, чтобы человечество не потеряло возможности каждый раз «находить силы» на пути к «умственному, духовному и душевному комфорту».

Концепт культурного, цель которого акцентировать, фиксировать, заострять онтологические, антропологические, аксиологические измерения человеческого бытия, коррелирует с основным принципом философского романа – философской проблемностью, ко-

торая, в свою очередь, корректирует в тексте концепт культурного.

Список литературы

1. Зинде, М. М. Творчество Уильяма Голдинга: (К проблеме философского аллегорического романа) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / М. М. Зинде. – Москва, 1979. – 15 с.
2. Vandendorpe, Ch. Allégorie et interprétation / Ch. Vandendorpe // Poétique. – № 117, février 1999. – P. 75-94.
3. Жылевіч, В. Ф. Раман-прытча ў французскай літаратуры II паловы XX стагоддзя: ад «вечных» пытанняў да сучасных праблем грамадства: манаграфія / В. Ф. Жылевіч; пад рэд. С.П. Мусіенка / УА “Палескі дзяржаўны ўніверсітэт”, Кафедра замежных моў. – Пінск, 2018. – 222 с.
4. Юнг, К. Архетип и символ / К. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 343 с.
5. Ницше, Ф. Сочинения: В 2 т. / Ф. Ницше. – Т.1. – М.: Сирин, 1990.– 447 с.
6. Lado, R. How to compare two cultures / R.Lado // Pathways to to culture. – Yarmouth: Inernational Press, Inc. – P. 39-56.
7. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М.: Смысл, 1993. – 488 с.
8. Vice, S. Literature and the Novel: Narrative Self, Philosophy / S. Vice // The Journal of the Royal Institute of Philosophy. – Cambridge Press. – Vol.78. – Num. 303. – 2003. – P. 93-108.
9. Hatch, E. Discourse and Language Education / E. Hatch. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 333 p.
10. Камю, А. Избранное / А. Камю. – М.: Правда, 1990. – 520 с.

11. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М.: Республика, 2004. – 639 с.

References

1. Zinde, M. M. Tvorchestvo Wiliama Goldinga: (K problem filosofskogo allegoricheskogo romana) : Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk : 10.01.05. Moskva, 1979. 15 s. (In Russian)
2. Vandendorpe, Ch. Allégorie et interprétation // Poétique. № 117, février 1999. P. 75-94. (In French)
3. Jilevich, O. Raman-pritcha y francyuzskaj litaratyru II palovu XX stagoddza : ad «vechnukh» putannay da sychasnykh preblem gramadstva: managrafija. Pinsk, 2018. 222 p. (In Belarussian)
4. Ung, K. Arkhetip i simvol. Moskva, 1991. 343 s. (In Russian)
5. Nitshe, F. Sochinenija : v 2 t. T. 1. Moskva, 1990. 447 s. (In Russian)
6. Lado, R. How to compare two cultures // Pathways to to culture. Yarmouth. P. 39-56. (In English)
7. Fouko, M. Slova I veschi. Arkheologija gymanitarnukh nauk. Moskva, 1993. 488 s. (In Russian)
8. Vice, S. Literature and the Novel: Narrative Self, Philosophy // The Journal of the Royal Institute of Philosophy. Cambridge Press. Vol.78. Num. 303. 2003. P. 93-108. (In English)
9. Hatch, E. Discourse and Language Education. Cambridge, 1994. 333 p. (In English)
10. Kamu, A. Izbrannoe. Moskva, 1990. 520 s.
11. Sartre, J.-P. Butie i nichto. Oput fenomenologicheskoy ontologii. Moskva, 2004. 639 s.

Received 4 March 2020